

Пяло глазов

Бойтата целого дня. Слон. Малая косатка. Барибал. Бегемот. Як. Бизон американский. Зубр. Индийский буйвол. Бык Маллиган. Уссурийский лось. Анаконда. Саблерогая африканская антилопа. Прекрасный олень. Гигантский осьминог. Шильбовый сом. Пантера. Бобровая блоха. Африканский страус. Кокосовый осьминог. Окапи. Козлик. Недавно застанный флоридский волк. Солнце. Горал. Кайман. Гадюка Никольского. Кабан. Сейшельская черепаха. Журавль. Чёрный скат. Лебедь. Шипперке. Тедди. Бурка. Жук-геркулес. Амазонская клепсина. Варан. Американский морской чёрт. Бунтиронг. Орёл-отшельник. Тегу. Удав. Ехидна. Ястреб. Мечехвост. Сокол. Сипуха. Аспид Коллета. Аспид Бутлера. Меланоцет Джонсона. Лемур. Бомбейская. Ворона. Малый нетопырь. Гигантская вечерница. Уж. Индийская летучая лисица. Грач. Калифорнийская листоносая летучая мышь. Большой подковонос. Чёрная игуана. Дятел. Голубь. Жук-олень. Паук-птицеед. Тарантул. Плащеносная ящерица. Лишённый мозговой спины хамелеон. Живоглот. Тауматихт Акселя. Хагулиот. Галка. Крот. Свинорылая черепаха. Парчовый. Ахатина. Черепаха. Бразильская светящаяся акула. Древесная агама. Саблезуб. Банановый паук. Каракут. Вдова. Деревоусая линофрина. Западноатлантический нетопырь. Морской ёж. Охотник каёмчатый. Мистус. Далатия. Скалярия. Мелано. Макропод. Лабео. Мавр. Анциструсы. Богомол. Неокаридин. Домовой паук. Моллинезия. Пецилия. Гуппи. Таракан. Жук-плавунец. Ктырь жёлтый. Дрозофила большая. Вертячка. Точильщик. Жук-древоточец. Муравей-древоточец. Железняк. Муравей-жнец. Степной муравей-бегунок. Садовый муравей. Вошь головная. Кожеед. Аргасовый клещ. Сульфатредуцирующая. Чумная палочка. Меланит. Панург влюбился. Большая ложноконская пиявка.

Непроглядная тьма. Она придёт за мной, но пока что я одурманен медленно замыливающимися взглядами праха телесности.

Кажется, всем всегда нравились продукты иногда весьма ухищрённой кажимой фантазмагоричностью графики моей, хотя сам я в этом видел лишь вынужденную малопривлекательную форму существования: редкое занятие позволяло мне воплотить внутри своих условных границ крупные даже относительно моей самоотдачи проекты, и только графика давала столь желанный простор для непоследовательной и временами чрезвычайно мелочной и для непрофессионала, но всё же: деятельности: рисование — это весьма динамичное занятие, достаточно резко обозначающее необходимый для творческой номинации уровень производящегося размывания в действе без прямой потенции осмысления номена, что благоприятствует качественно иному подходу, чем при хотя бы механической

редактуры собственного текста, хотя и пример этот отличается слишком многим в своём шатком остоле творческого, но в высшей мере пригляден для рассмотрения дифферы субстратного ядра подхода, однако в детстве мне это было не так уж интересно, и даже условная хвала окружающих едва ли являла способность что-то мотивировать в аспекте деятельностной реакции: они могли полуискренне похвалить тебя или даже наигранно восхититься, да в словах их не было ни капли совпадения с мыслями, с некоторым обозначенным разницей с ними романтическим дурманом титанической нелюбезности к окружающим, что случайно витал вокруг меня непосредственно во время дела: знакомым в реальной жизни я показывал плоды желательнейшего творческого полуосмысленного психоза, скорее всего, просто ради обоснования отказов от гуляния или иной деятельности, словно труд мой сильнейшим образом обременяет несвободой в досуге и заставляет нежеланно отказаться от столь вожделенной прогулки, когда далёкие от моих существа, подхода, сознания, веры, восприятия, жизненных условий, распорядка дня, нравов, лобной доли коры мозга, гормонов и воли индивиды способны были оценить, вероятно, только сурово потраченное время, и никто даже не думал задуматься хоть о чём-то во время разглядывания моих рисунков, кроме столь примитивных внешних признаков и причинностей, что лишний раз проворачивание этого явления исключительно социальной интенциональности в голове я посчитал лишним в самом строгом смысле этого слова: это не является ключом к разгадке французской бочки ночного или дневного выплеска твоего рода: сперва я думал, что дело именно в их непрофессиональности, в отсутствии сугубо технических и культурных знаний в сфере той же графики: пусть и охват обязан быть в принципном идеале немисливо шире, должен обуять весь пласт моего вожделения искусством и миметикой, мне на то не приходилось и надеяться; я стал развивать свои навыки иного вектора, почти никак не сопрягающегося с изначальной целью моего творчества, теперь часто демонстрируя условно академические навыки, приобретённые одними только опытом, ибо никаких кучковых вредных заведений с претензией на развитие таланта я не посещал, намеренным искажением своей творческой девиации и тягой на беспристрастной эмпирике получить ответ на мой вопрос, получить результат, казалось бы, примитивнейшего эксперимента: уже в детстве находящиеся рядом дети охотно приносили мне откуда-то взятые деньги, дабы я нарисовал их или выставленную предо мною детскими безгрешными руками юного вора с идеальной гладкой кожей и спрятанными сосудами игрушку; в школе занятия рисованием были если не жалкими, то просто забавными, и я искренне не мог понять, как представитель того же вида может быть настолько плох в моём любимом занятии, и потому иногда приходилось практиковать рисование левой рукой, дабы не привлекать к себе лишнее внимание, чтобы воспалить в себе хоть туманный намёк на заинтересованное возбуждение: меня не

интересовали конкурсы, поверхностная восторженность или пошлое внимание: я требовал только того, чтобы к объекту моей деятельности обратили больший тёмный взор, чем ко мне, самому обычному человеку, если откинуть самоназванную противными неденотативную сентенцию марки молодого графика: безусловно, некоторый взгляд публики может быть обращён к возвращённому в плодотворных для творческих начал трудолюбивому человеку, решившему воплотить своё себя и выстроенную систему в реальность, да только не отношу я себя к тем юродивым в плохом смысле, на обложках книг которых будет сперва написано об их пьянствах, преступлениях и постыдных скандалах, коих избежал бы любой акционист, что стремится только создать уникальное, только дать инертный в значении его бытия толчок, а не столкнуться с глупостью, чёрствостью и очевидной духовной нищетой проходящих, за что, откровенно говоря, и считать их злодейство для меня злодейством в спектре реального не просто не стоит, но нельзя, да художник не должен отвлекаться на то с серьёзным станом: допускается лишь слабая ироничная отвлечённость, о которой после станут говорить с гордостью за его внутреннюю силу и универсальность ума, или вовсе вынужденная мера голодающего творца: я хотел быть настоящим художником, тем, кто славится плодами своих честных стараний и аккумулировавшихся в непростом труде уникальных идей, а не зависимым от материальной грязи, не могущим похвастаться только распутством своим пошляком: ради занятий рисованием я почти нарочно испортил своё зрение, часто просто игнорируя рекомендации унылых глазолечителей: в школьные годы увлечённо рисовал во время уроков, если уж это можно было повернуть без лишнего внимания надзирателя и одноклассников, а после школы я до голодной судороги телесно недвижно занимался серьёзными проектами, пред сном делая зарисовки для будущих продуктов: такое изрядное слово я использовал именно для обезличивания себя, теперь не оставив ни одной внешней отметки индивидуальности, чтобы меньше привлекать смердящее внимания: что, разумеется, не сработало: в современном обществе старающийся не выделить свою обыденную натуру будет вычурнее самого отвратительного, упивающегося небрежностью гаера, ведь каждый за похотью к свободе и запрету без лишнего раздумья делает то, что попросту скинет его в душную яму уникальных калечных индивидов, занимающих сильно больше половины мест на этом хриплом, взбодрённом на разлившихся шартрезным ломким гноем телах, халатно выстроенных в хрупкую лесенку в форме вмещающей живых лишь на немоющем кончике своём, что сами выбрали люди для своего существования, что чернооблачные туманы предпочли фантастическому благоуханию гигантского лесного массива, теперь неприглядно сокрытому тягой человека бежать от своей честности и безгрешия, теперь чернолесная смола эта видится образованной, сильно прельстившей сравнением с животными своим способностям и откровенности свинке с уродливыми манерами наказанием за неповиновение

собственной безценной спесивости чем-то ужасным, и таковое суждение не является ошибочным, ибо густые чернила поныне пульсируют в раздутых важностью венах этих душевнобольных, и изменился с этим апломбом человек, и уже никогда он не вернётся на тот незамысловатый парадиз, куда он, просто отложив уродство на третий или хоть второй план, мог и не стремиться, островке разглаженной ветрами чернопада тёмной коричнево-фиолетовой пирамидки: все начали говорить, что я веду самозабвенный образ жизни, что принимаю безверное чернечество, что я готов и на абсолютно неожиданно проявившуюся отвратными формой и насыщением в устах тех людей жестокость ради продуктивного труда: образ такой они позаимствовали, думается, у деформированных персонажей едва ли не героически-рыцарского толка: ни в коем случае не решился бы я на причинение ближнему вреда и из интуитивной трусости, и даже из банального неприятия потенциальных мотивировок: это не представляло сферу моих интересов, только сильнее показывая поверхностность этих людей, тех, ради кого я зачем-то некогда лишил своё графическое письмо исконной особенности, после редуцирования которой пришлось уже не быть воплощением прекрасной витальности своих вспотевших жирных жил, но попросту заниматься наиболее продуктивным делом: остальное грубо технически не создаёт во мне подобной реакции в силу невеликих способностей неопита и жажды неучебно занимать себя на протяжении долгого времени, на что я особо, в общем-то, не жалуюсь: обычный честный труд для них стал каторжным и бесчеловечным, впрочем, я и не возлагал на них никаких надежд, за сим и не принижая их достоинство или существо, ведь то было бы во множество раз ужаснее невнимательности к работам близкого человека: возможно, только такие люди и должны взращивать здоровое, не опьянённое прелестью структуры общество, да только не стоит им демонстрировать своё превосходство в познаниях, ибо от такого тяжело не оскалиться внутренней незлобной улыбкой, с какой ты смотришь на попытку ребёнка сразить тебя игрушечным, никакой опасностью не воздействующим мечом: я прекрасно осознаю, что на постоянной, изнемогающей от искусственной лёгкости основе живу в том пространстве, которое эти люди считают сложной, некомфортной и нарочито высокоинтеллектуальной, и не стоит говорить, что только артист, разумеется, упуская ключевое ядро сокрытого от создателя неподконтрольного прекрасия, так сокращённо входящего в анализ испившего плоды множества творцов разума и оседающего на существе любого прочитавшего, в полной мере понимает, сколь разложим на тяжеловесные, но ещё вполне поддающиеся абстрактному непростому анализу базисы его продукт, и что так он только более поражается честной невнимательности зрителя: вероятно, дело не в когнитивных способностях или чернильной эрудиции, а в нервной, культурном непресыщении, иных идеях, нежелании, отсутствии времени или особенностях методов рассуждения, и только такое обоснование я способен

предать вполне обыденной, нормальной стороне этих персон: если дело именно в последнем, на что я продолжаю надеяться, человечеству ещё предстоит разоблачить величайшие обширностью способности пока усохшего в лени и удобстве ума, раз оно пойдёт не по циклически повторяющимся этапам эталонного предпочтения, хотя такое едва ли, судя по нестероидальному естеству настоящего профессионала, произойдёт; и вера в любителя у меня почти испарилась за несколько лет выставок: скорее всего, вниматель искусства не просто мягко отупел, а за предпочтением иных форм по модной тенденции, вполне могущей вернуть и любую иную, ныне считающуюся особенно необыкновенной, исчез, и только за деньги люди готовы изобразить мимолётный интерес к твоему творчеству, раз уж оно хотя бы разжилось молвой фантастического объёма; конечно, иногда встречаются помешавшиеся на тебе поклонники: очень беглым внешним рассмотрением они подобны на, вероятно, иногда и на продолжительное время сопровождающие тебя объекты честной любви, да только при малейшей незамутнённости глаза обретают лик скорее неверного партнёра по периферийному деловому вопросу или никогда не претендовавшего и на малейшее влияние на твоё чувство любовника: если появится кто-то, кто дарит тебе больше подарков, денег или льгот или кто охотнее удовлетворяет тебя своей внешностью, фигурой, знаниями, статусом или сугубо телесно, то этот человек без лишних раздумий покинет тебя, причём такие отношения могут продолжаться, как бы это ни было ужасно, долгие годы, пока человек не подберёт тебе стоящую иссиня-чёрную замену: так и всюду преследовавшие иные поклонники восхищались мною до тех пор, пока видели во мне самовыдуманного божка или нечеловеческий гений: как только они подтвердили в какой-то момент, что я, как и они, являюсь человеком, их интерес, нацелившись после на кого-то другого, чей взор временно изображает собой для них не глас соседского тебе по времени и бытийной особенности творца, а бесконечно могущественную эссенцию таланта, пропал: ничего плохого в наваждении легенды над собой нет, да и иногда это является единственной возможной формой существования поэта, но многие в том, полностью субстрат легендарного пропуская мимо собственной вдумчивости, видят излишнюю прямолинейность, которой стоит избегать хотя бы при общении с близкими, чего не допустит в своём быте фанатично настроенный поклонник: за твоё падение он потребует более остальных, однако и во время выставок станет заговаривать тебе всё пространство: к таким континентальным личностям я уже привык, без лишнего внимания наблюдая их пропажи через два сезона, но трагедия не в том: в редкой среде этого вида поклонников находится тот, кто правда понимает твои не так уж и хитро сокрытые интенции и кто продолжает за их развитиями следить, что лично для меня, охотно демонстрирующего это в косвенно касающихся этой темы уголках мимолётных разговоров с другими художниками, стало бы великой отдушиной, однако встречных заинтересованных речей я до сих пор не

слышал: возможно, должную поддержку я смог бы получить от одних только творцов моего толка, да она и они не появляются, сколько бы я жалким одиноким мальчиком безвласым среди гигантского чернобокого виноградника ни ждал: честно говоря, тем, что мой ценитель не был найден, я не стенаю острой крикливостью нестабильного духа себя, хоть и в подобные нынешнему моменту иногда в слабости и простительной немощи приходится задуматься о подобном: я почти закончил простенький пейзаж в своём небольшом тёмном блокноте: я всегда любил как рисовать маленькие, кажущиеся абсолютно незначительными детали, так и воплощать их в реальность в крошечных даже для них объёмах, и пристрастие это, вероятно, иногда и выражает наиболее полно сокрытый за дымкой академики стиль мой, только пару раз упомянутый и еле похваленный трезвостью и кажущимся совершенством двумя, не обладающими значительным вниманием со стороны общественности или иных авторов ситуационными критиками; думается, так я окончательно ухудшил своё слабосильное зрение, благо, теперь ожидающее операции: только с полчаса назад я сдал анализы в частной лаборатории, дабы на следующей неделе мне сделали лазерную коррекцию: с моими диоптриями уже давно начались серьёзные проблемы с сетчаткой, отчего почти каждые полгода с пятнадцати лет приходилось делать небесплатную коагуляцию, и лишь полтора года назад прогрессия затормозилась, чего я вымученно, в детстве даже проводя целые ночи за стягивающим горло и опустошающим живот плачем из страха вскоре ослепнуть, ждал долгие годы: сейчас, будучи двадцатитрёхлетним магистрантом, я наконец могу позволить себе избавление от этого злого рока; глаза мои были так непригодны и сухи, что от недолгого ношения неортокератоскопических линз при поддержке капель на внешней части глазного яблока оставалась обводка лососевого цвета в форме прилипшей ранее линзы, а с ночными так я вовсе не мог пролежать дольше нескольких минут: в детстве я любил беззаботно, даже не умея нормально задерживать вывихнутое за возбуждением дыхание под водой, плавать с мамой, обособленно рассматривая в местном неглубоком мутном пруду резвых мальков и крупных, наветно спрятавшихся только в этом небольшом водоёме чужепланетных рыб, но, видимо, и это более мне недоступно: одно только незрячее, лишённое результата недолговечное потопление ожидает меня сворачивающейся воронкой наследственности; мне уже множество раз отказывали в операции, иногда аргументируя это и излишней сухостью глаза, однако я восстановил обязательный минимум, по крайней мере, не так уж я, несмотря на кажущуюся необходимость, в этом осведомлён, да всё же приложил по итогу величайшее, хотя бы подвластное моим знаниям усилие для реализации этого вмешательства: я мучительно следовал руководствам иногда неграмотных, недостаточно увлечённых моим глазом врачей в надежде получить то, чем наделены многие люди от рождения: даже изображение сквозь линзы очков даётся искаженными и ненатуральными, и надо ли упоминать об изменении

внешних моих видов, столь обыкновенно прилипших мне по вымученной, обозначившей себя должным ещё в мгновения моего безумственного становления причинности лёгкого фреза: я ненавижу свои обрамлённые позолотой очки и с осязанием их исключительного великолепия: к сожалению, на мне они способны только напоминать о продолжительности моих страданий: я никогда не хотел проблем со зрением, но они чернобородым щуплым паяцем моментально обгоняли меня, резким импульсом вставая спереди и ехидно ожидая, как я в страхе оббегу их в отчаянной невозможности сделать что-либо ещё: я мог только убегать от мучительных симптомов, в последние полгода ношения ночных линз не менее трёх часов от своего пробуждения пытаюсь вернуть прежнюю резкость объектов и ослабить режущую при попытке не моргать более трёх секунд импотентность находиться с открытыми глазами, избавиться от слезящихся и больных глаз безотрадной, но позволяющей вновь ощутить чувство тьмой, решением некоторое время ничего не видеть, дабы лишь малую часть дня зреть без искусственного вмешательства преломления сквозь линзу: в том виноват был я сам, хотя и обвинять взывавшуюся жертву могущественной стихии часом негуманно: я просто хотел больше не надевать эти сковывающие раскалённым железом куски тяжёлой, сверкающей в иссохших органах моих антрацитовый дымкой материи: я продолжал рисовать неестественно обвисающие трухлявыми лозами деревья и хлипкую, давно покрашенную в синий лавочку комбинированных материалов, как в несколькими грубыми фисташковыми линиями обозначенных кустах, опьянённо и безвинно цветущих напротив меня, что-то неожиданно начало двигаться: кажется, никому из редко проходящих это не было заметно, да только не мне, столь внимательно сконцентрированному на простом первообразе наброска.

В этих колышущихся неслышным чернолапым шелестом листьев цвета полыни были едва заметные частые шлепки медвяной слины, и неожиданно для меня, так пристально остановившегося опьянённым несовершенством полимера взглядом на шевелящемся нежном кусте, кто-то сел на еле выдерживающую вес двух человек лавку, и стоило этой молодой девушке спокойно раскрыть книгу, серьёзным своим взглядом начиная одаривать труды автора молчаливой хвалой довольной улыбки, как уже за менее крупными вердепомовыми кустами стал виден достаточно толстый, вышедший за границы растений на несколько секунд, кажется, в своём слаженно отработанном переворачивании рулон прозрачной плёнки с редкими мутноватыми разводами желтоватого пятна, после чего прямо из колючих веток графитового терния вышло осунувшееся, как пока думается, только слегка безумное лицо, неотрывно в какой-то момент остановившееся на моём направлении и, ничего инородного не заметив, пошедшее дальше: оно было вновь впитано стылой, переливающейся в червивых лабиринтах листьев мглой куста, как в спекающих без того колеблющееся хрупкое сознание солнечных августовских лучах, неожиданно плюхнувшихся жирной, наседающей над моим

сужающимся сбивчивым взглядом коростой, я решил блеснуть не наигранной, но несколько преувеличенной ради должного вызывать восторг эффекта смелостью: возможно, так на меня влияет воодушевление скорой операцией; дабы не удивить её потом, что я тоже зачем-то представил ещё до знакомства, своим видом, я сразу представляюсь господином с отличным зрением, предварительно сняв лёгкие очки и положив их к уже отдыхающему на моей лавке потёртому блокноту с коротким, истончившимся за кропотливыми трудами любимым карандашом: мысль и поступок эти были для меня крайне непривычными, даже в некотором аспекте феноменологически противны, однако я с едва заметной улыбкой красного дерева от возникшей забавной идеи ринулся спасать девушку вида обычной студентки от странного бездомного или владельца пока таинственной девиации, хотя и смешение двух этих особенностей не исключается: только я неспешно подошёл к ней и дружелюбно поздоровался, как тут же, вожделенно с субъекта временной ожидаемости получив смущённую улыбку прекрасной дамы, вскоре потянувшей руку к упавшему локону чрезвычайно пёстрых своим прочным радужным великолепием волос, дабы кротко завести его за аккуратное небольшое ушко, сверху нечто гигантским, отдающим торфяной запылённостью в непроглядной темноте своей за бесцветным стойким бадлоном свалилось на нас обоих, и что-то оттуда же стало с невероятной силой напирать, безусловно подавляя мои относительно неплохо развитые физические способности угнетающим волю резким напором и одной только ещё значительно сдерживающей весь потенциал грубой силой, и в прижатом к испуганной, уронившей крупные круглые очки с красноватыми вкраплениями в этом динамично покрывшем нас одеянии девушке состоянии я глупейшим образом растерянно предложил поднять её очки, даже учтиво дожидаясь, как мне казалось, трезвого, должного стать результатом строгого непростого решения ответа: она только отчаянно закричала в разрывающем её дух страхе, а я попытался вырваться вместе с ней из этих удивительно окутавших нас уз шершавой нестабильной копоты, и невероятная чёрная мощь будто перевернула нас в этом полужидком чехле, после аккуратным окончанием, похоже, крупных дорогих, если верить уникальному прохладному щелчку, замков с обеих сторон став причиной звука нашего конечного мучительного заточения, и я тоже уже нервно решил оставшиеся за нехваткой кислорода старания положить на сигнальную истерию, как в надрывном крике нашем послышались лопнувший щелчок присоединения некоего устройства и начало работы некрупного двигателя: я стал пытаться ударить в сторону этой снедающей безволием машины, однако могучая сила сию минуту вновь грубо нас придавила: я, увидев плотные пары пепельного газа, попытался сперва не дышать, уже и рассмотрев во всей красе засыпание случайно давящей на меня низенькой девушки, и героически впитав боль в глазах от шипящего на слизистых поверхностях вещества: засыпать ни в коем случае нельзя, по крайней мере, так я представлял себе до поры

явственного избытка кислорода в крови и насыщения её неприятно заткнувшей мои телеса уже после этапа значительного усиления организма со всех сторон двуокисью углерода: был мною издан хриплый отчаянный кашель, и в тщетном сопротивлении я попытался выбить в уже потемневшей, видимо, наложенными сверху слоями ткани или маскировки матовой плёнке хоть незначительную дыру, но эта прочная тугая материя не поддавалась, только злобно передав сильный молниеносный удар по моей ладони, и в расплетающемся голубоватой дымкой сознании я сумел лишь рассмотреть свои вывернутые вовнутрь указательный, средний и безымянный пальцы: не знаю, сколько там сейчас переломов, однако ни одного открытого нет, что уже немного облегчает тёмные хаотизирующие страдания: я всё больше проваливаюсь в густой манящий сон посредством, как раньше думалось, лишь воображаемого визуальными дельцами кисловатого газа: только слегка ещё давшая о себе знать тупая боль быстро рассеялась: я свалился обездоленной головой на онемевший левый бок и непроизвольно закрыл осевшие в глубине расплывающегося лица уменьшившиеся глаза в затуманенном подобии сознания: как это могло произойти?

Режущий своим титаническим разрывом громкий импульс дерущей трескающимся полным звоном дробящихся суставов боли раннего весеннего благовония: я резко открываю больные мелкими, но мучительными обесцвеченными язвинками слезящиеся до выпирающих гибкими колоннами яремных вен возбуждённые глаза и случайно лениво смотрю в сторону ещё лишённого чувства плеча своего: побледневшая потная девушка во сне прерывисто трясётся на моих сломанных неподвижных пальцах: я неловко попытался другой рукой, бесшумно разбудив, слегка пошевелить её, да только взор мой вновь поглощался вострой белёсой дымкой: я снова за бессилием сомкнул свои ржавые плотью непонимания веки: кажется, нас везут на обыкновенной грохочущей старой тачке под видом удобрений или чего-либо подобного.

— Мы... Мы умрём? — необычайно испуганный подростковый мальчишечий голос звонко слышался где-то позади: мне невероятно тяжело думать, видеть и слышать: иногда доносятся только гегелевские части в себе потенциальных звуков, а иногда поражающая телеса с самых малозначительных содрогающихся органов громкость будто проходится гигантским фрезером по моему немощному чувству, с изолирующей от мира глухостью режет уши и остаточное сознание. — М-мас... Нас будут убивать?

— О... Проснулся, — нетихий уверенный хрипловатый голос, несмотря на уныленную сознательную немногословность, звучал поставленным очень хорошо: кажется, его уставшему обезвоженному владельцу примерно сорок лет. — Как себя чувствуешь?

Где и в чём я живу? Это место, эти цепляющиеся возвышенными за счёт глупости моей нервной системы воспоминаниями чувства приятного относительно подобных мест: всё очень

хитро слажено, всё старается меня обмануть, и неспособность не проникать в этот едкий, но столь притягательный, заставляющий вновь и вновь возвращаться к своим неприглядным причудам лживый дурман, что каждый раз только отвлекает меня от колосса возбуждённого субстрата этих пространств омерзений непрерывного, падали, греха, тли, яда, жара, пронзительного холода, титанических страданий, растворяющих всё живое сомнений, обычной невыносимой физической боли, умственного падения в подобном разжиженном странствии, шипящих сквозь едва зажившие толстые ожоги ошибок, абсолютной невозможности выбраться из этой клейкой смрадной няши, необходимости слушать не просто безобидные бредни добрых людей, а агрессивные нападки и множества ещё не таких страшных семян онтологического смыкания, которые лишь пролазно использовали такую конституцию, на деле же норовив откормленной надутыми гигантскими, растягивающими кожу твою до несмыкания барабанно дёргающихся век кистами пиохевией прорвать твой кишечник, затянуть оставшиеся полупрозрачной, сопрело обескровленной с самих своих оснований хлипкой трухой лёгкие и одиноко пошатывающимся билом оставить питтингово поражённое миром истончившееся сердце, отсосать с пошлым хлюпаньем последние твои лимфатические пятна и представить этот измученный грехом лик пред бесконечностью, перед нескончаемой материей, что тебе во всей полноте придётся воспринять, дабы стал ты негативным Христом, дабы страдания в тебе только усилили неравновесие во вселенной, дабы воплотилось телесное в тебе не во благо и учение, а в пуще дерущем великими страданиями человека титане, в новом агтеле, ибо существо твоё невозможно было в божественном начале, ибо по случайности ты был рождён ради искупления грехов, да самостоятельно чрево твоё склонилось к ужасному, да направления в тебе никто не родил, и оттого живот твой склонился по вине грехов иных, и оттого не аввакумовским вяканьем ты глас свой увидел, а грохотом адских мучений, и Вальтасар не соблазнял тебя, ибо соблазн уже пробился сквозь ореховую скорлупу исконного неповиновения, и психагогом ты был проигнорирован за такой величиной страданий, что одному только прорвавшемуся сквозь непогрешимость Самаилу удавалось в схватке своей сосредоточить, твой легион превратился из римского срубленного и очищенного древа в асанкхейю некошного отрицания, нисколько не являет себя станом апломба во мне, ведь рад был бы я узреть всю эту опьянённую радостную массу, да ляда захватила естество моё, и более никогда уже не сможет мне не сжёвывать челюсть свою за душевной болью: никогда я уже не смогу смотреть на эту материю без окровавленных смолистой грязью слёз, да не дело мне воззреть на этот обман, и решено было некогда разрушить телеса, разрушить человеческие страдания, обнулить греховное рождение, дабы более никто не рождался в Аду и не проходил через эти телеса, ибо страдания в любом случае прекратятся, ибо разрушатся миры, и не будет более человека, да ожидание это будет ему

мучительно, когда я возложу на себя гнилистое бремя Ада, когда я откажу Господу в выполнении этого задания: я стану негативным Христом, вырасту в забытого Богом спасителя, ибо пейзажи деревни моей уже не стану выносить без надрыва отрезвлённого духа собственного: спокойно возложенные на плечи этих милых слабых существ строения вновь будут стремиться тебя обмануть, вновь будут ожидать лёгкости воли, дабы не решился ты отказаться от них, и вернёшься ты, и снова падёшь ниц пред уродством людским: эти задерживающие беззаботным дымком места обязательно тебя предадут, обязательно станут животными иных людей, но в том и природа их, в том и природа неприглядного, в том изменчивость телесного и его несовершенство, и вина одновременно в бесконечности его, и безвинность его содержится в том же: да не станет грузным это, да повинен здесь только я, и в борьбе этой уже не имеют значения идея и мысль: значение имеет только разница в духе, силе и уме: негативный Христос бросил вызов самим первозаданным порядкам, эта Афродита коснулась усерзии мирского ада, и теперь озвучивать можно лишь имя, но не несуществующее под ним; болотно-зелёная тьма этого сырого помещения смешивается с моими мыслями: его лёгкий, еле выходящий за моими спиной и плечами свет озвучивает только пустоту, лишь отсутствие в этом месте настоящего, только мою неспособность коснуться здесь предмета: идеи эти никогда не были моими, да пробудившийся в трупной сладости нюх заставил обратиться призывной тяжёлой рвотой, и натуральным станет разрыв: разумеется, лишь внешний, за коим видит большинство разорванность внутреннего, хотя суть феномена прямо противоположит этому слабосильному представлению: лишь поделив внешность на множество единиц может быть обозначена идея и суть должным образом, лишь так сможет быть пояснено всё самым обширным образом; шум пустотности разъедает язвенной коррозией мои глаза, и я опять теряю лик происходящего за тягой к гласному выделению слабости во взаимодействии с внешним.

— Я... Я не хочу здесь быть...

— Понимаю. Мы все. Как... — этот смелый, шипящий неборачным положением голос был по своему источнику чуть левее меня, но я всё же не мог никого увидеть: сильно отягощённая, ещё плывущая словно со всей бездумной силы без малейшего понимания конечного пункта своего купания в звенящем дурмане искрящихся пурпуно-чёрных облачных фантазмов голова моя отсутствующе отказывалась задействовать ползающие неуёмней красноватой малой жишкой спутанные глаза: думается, он увидел что-то необычное на теле того парня. — Как тебя поймали? Ты сопротивлялся? У тебя на теле грубый шов... Он тебя порезал, а потом зашил?

— Я... Да. Я сопротивлялся... Я заметил его между деревьев... Кажется, он плохо видит... Я давно его заметил, но очень быстро бегал... — голос парня сильно замедлился и стал

неестественно прерываться глухими слабыми выхлопами провонявшего карманными кислыми воспалениями воздуха со скопившейся ветреной сухостью: теперь он едва не плакал. — Попытался обернуть меня в какой-то прозрачный чехол, а я... Я не давался, и... — он окончательно сдался перед форсом молниеносно воздвигнутым колоссом назревшей стихией посессоровой доминации страха и, думается, боли и всё же начал проговаривать сбивчивые слова сквозь набухшие плюхающимися в несмыкающийся рот толчками солёные, пробивающие длинными разъедающими корешками ненаварившиеся ключарской тайной слёзы. — Он меня пырнул. Мне было очень больно, я думал, что там и умру... Потом он меня засунул в этот чехол. Он пустил какой-то газ, я заснул...

— Всё относительно хорошо, не бойся: я здесь уже с полтора месяца: за временем в заточении следить трудно, но я приноровился считать по своим биологическим часам: конечно, есть вероятность, что мои подсчёты не так точны, но суть одна: мы ему нужны живые. У тебя болит рана?

— Пока... Пока нет.

— Наверное, он тебе обезболивающее вколол. Готовься к тому, что потом будет, скорее всего, очень дурно: здесь ему вряд ли будет выгодно облегчать тебе участь: там он это мог сделать, дабы просто избежать риск пробуждения в тележке. Нас всех здесь похитили одним и тем же образом. Меня зовут Семён.

— Меня... Меня зовут Иваном. Ваня.

— Этого похитителя именовали Сгибнем, — более мужественный взрослый голос слегка меня взбодрил; возможно, ему около пятидесяти. — Сгибень. Из первостепенных примитивных отличительных черт выделяют отсутствие улики и странные следы на местах преступлений: они похожи на... пятна от больших камней или... Ну... гигантского теста. Я уже на пенсии, но в полиции есть знакомые. У них он очень популярен. Похищает специалистов офтальмологии и людей с плохим зрением, по крайней мере, так они говорили: сейчас картина вырисовывается несколько другая. Меня... Я Матвей Елейник. Приятно познакомиться. Жаль, что не могу протянуть руку. Я тут примерно три недели: меня относят к группе с плохим зрением: у меня катаракта в правом глазу.

— А... да... П-приятно познакомиться... А что... А что ему... Ай! — едва прозвучал подобный хрусту широких позвонков сбивчивый далёкий глухой стук примерно посередине перепаханного своими же разрывающимися тканями скованного жвавой жестокостью существа человеческого тела живота, показавшийся мне схожим с громким невольным раскрытием прочной молнии крупной зимней куртки козлонком телесной слабости. — Что-то в ране хрустнуло... А что ему надо?

— Вообще... — прозвучал новый, уже слегка смущённый обстоятельствами мужской голос. — Мы нашли некоторую закономерность. Меня, кстати... Иван я. Среди нас условно три основные группы людей: с плохим, хорошим зрением и врачи. Как только появились три человека с плохим зрением, он больше не похищал никого из этой группы, — осмысленно говорить о себе сейчас не могло, да и я даже в полной мере не раскрыл своего пробуждения в сомкнутых, замасленных жальниковым сном веках, оттого инертно и вживил я позицию неумышленного недоумённого молчания. — Думается, ему нужно по три человека из каждой группы: после он сделает то, что хотел... Главное предположение: он хочет прооперировать себя посредством рук хорошего хирурга, позаимствовав глаза людей из группы с хорошим зрением, а люди с плохим... наверное, заложники или лишний запас оставшихся органов. Мы точно не поняли, но эта теория складывалась и из слов Сгибень, потому она с белыми пятнами и такая непрозрачная. Не сказал бы, что цель он утаивает, но прямо говорить почти ничего не может. Он очень отстранённый человек... Иногда даже появляется чувство, что он ближе к дикому животному, чем к человеку. Сегодня привели сразу троих: видимо, после случая с Петей и Филей он стал импульсивнее... Андрей, посмотри, спят ли они.

— Да.

Ещё один низкий голос обозначил себя: вероятно, человек не был расположен к разговору, что из него особо и не пытались вытянуть.

— В общем, Филя, наверное, скоро умрёт. Ему Сгибень глаза выколол, и там воспаление началось. Похоже на острейший сепсис: сидит потный и радостный, а его маленький брат Петя сказал, что он очень горячий. Сепсис ему диагностировал Семён. Полное имя — Золотой Семён Никитович. Ты с ним уже поздоровался. К слову, очень известный врач. Знаменитость даже... Если что, прислушивайся больше к нему, тем более... у тебя же там шов начал расходиться... Надеюсь, как он придёт, мы сможем его уломать, чтобы Семён тебе операцию сделал: очевидно, он торопится, и среди нас пока не планировал кого-то потерять... Ну... мы себя так утешаем... и разговорами. Наверное, я тебя утомил. Это я от волнения. Прости. Есть ещё вопросы?

— А. Ну... ясно... А...

— А, наверное, ты хочешь спросить про побег... Ну, мы пытались много раз, но в последние разы он стал отрубать по пальцу за попытку... У меня... А, ты же не видишь... У меня вся левая рука уже без пальцев. По крайней мере, не так сильно гноится... И на том спасибо. Наши руки ему не нужны, а Семён почти неприкасаем, хотя Сгибень сейчас нервный... В Матвея даже вилку вонзил. Ну, потом вытащил...

— Ладно уж... Хватит. Вань, отдохни пока, и на том много информации. Постарайся не нервничать. Хотя бы постарайся. У нас есть скромный план, но про него потом.

— Х-Хорошо...

В порывающем наплывающую лёгкими комковатыми бризами рвоту запахе и живучичкой образованном горячей инфекцией бреде, еле слышной конфиденцией доносящимся до моих спутанных умов, было заметно, как пограничное состояние Фили стремительно ухудшается: думается, он не протянет и дня, и всё ещё я не столько удивлялся и ужасался своему проигнорированному разумом из неспособности внять этому и за такой короткий срок поверить всему откровенно сказанному положению, сколько был испуган силой Сгибения: у того щуплого больного деда, кажется, была сила пяти взрослых мужчин. В запотевшем жаром стекольной раскочканной искры дыхании и ещё не в полной мере отрефлексиравшем произошедшее сознании я невольно вновь падал в пуховый сон: видимо, газ всё ещё действует: тьма оттенка соболя внутри меня умильно согревает остывшую тихую истерику горячим пористым полотном величайшего предвосхищения.

Чрезвычайно худое, пугающее глубоко вдавными в назревающий ярким блеском череп глазами, еле приоткрытыми нависшими белокипенными икринками, оживлённо мельтешащими по пространству утаившейся в темени материи, старческое морщинистое лицо цвета Гейнсборо с местами яркими длинными рыжими волосами, вычурно выделяющимися пересаженными кровавыми точками под корнями оных и тёмными пятнышками от застывших будто несколько дней назад мёртвых мошек нетронутой крови пыталось смотреть на меня едва маджентовыми зрачками замутнившегося яичного белка на расстоянии двух сантиметров или даже менее: будто интенсивно жующими массивными челюстями это анчутское лицо густопсово щёлкало с закрытым ртом, хотя ответственность жевания было очевидно за пустыми прихлюпываниями его спёкшихся полосками бордовой крови тонких губ: время от времени он в отдалении подёргивался, ещё по-животному сомневаясь в моём пробуждении, и стоило ему точно удостовериться в этом, как оказалось предо мною полностью оголённое, свисающее над своим жилистым костяком пятнистой кожей тело Сгибения: мышцы кора чрезвычайно развиты, и с каждым томным вдохом они послушно перекачивались на его теле аккуратно передвигающейся мелкой припекой: трицепс его даже в анфас выдавался чрезвычайно массивными объёмами, а бицепс натягивал медиальную вену с чудовищным, подкрепляющимся излишне опадающей и истончающейся старческой кожей азартом, и самым страшным в этом была его гигантская, разделившая себя мощными наливными пучками шеи, подобно монструозным мышцам на ногах лучших из лошадей совлечённой фумигацией демонстрирующая каждую жилу в его странных последовательных движениях: он не мог содержать своё тело в спокойствии более пяти секунд, нуждаясь то в похрустывании могучей выей, то в складывании тыльных сторон больших мозолистых ладоней вовнутрь: и не было никаких сомнений в том, что он абсолютно ничего сейчас не видит за добавочным

отягощением тьмы: это он демонстрировал не попадание перемещающейся по пространству комнаты головой и нащупывающей ориентиры спереди ногой, шильным разгромом строений мышц остальных представителей своего вида насыщенной выпирающими сосудами на квадрицепсе и в спокойном положении: все соблюдали полное молчание, и отрезавшему от ещё прячущегося от меня за пеленой безрассудного упущения деталей страха взору моему могло теперь окинуть внешний вид содержащего нас помещения: совершенно неожиданным оказалось полное отсутствие обивки стен и пола, хотя по насевшей в плоти нашей сырости и прокалывающему сосуда холоду в ногах справедливо было и самостоятельно это понять, и только всё ещё едва ли зрячим глазом, приложившим немалое усилие только ради распознавания движений Сгибенья и так детально рассмотревшим его тело в удивительных для меня интересе и способности, я определил наличие доски и какими-то металлическими прутьями цвета каменного угля, вероятнее всего, свалочного происхождения потолка. По выложенным небольшими углублениями терракотовым земляным поверхностям можно было понять природу этого труда: ему самому, мимикрирующему под безвыходно ослеплённого мглой в этой обжигающей человеческим отсутствием яме звездоноса долгими мучительными месяцами, пришлось сделать это фуксом умерщвлённое помещение великими усердиями, коли его и можно таковым называть: жирные скрания мои начали редко тереться об находящего справа человека в своём призрачном рдяной грёзой видении: это была та самая студентка: то, на чём мы все вдеватором, что я определил ещё до поражения пред сном, сидим — это прочно соединённые длинные металлические полуцилиндры лёгкой терракотовой коррозии в подобие лепестковой окружности с намертво припаянными для сидения толстыми пластинами и торчащими в направлениях стухших взглядов заточников гунявыми стальными прутьями, нужными для безоговорочного сдерживания наших беспомощных тел: сцепление с этой цветочной, покрытой окровавленной мглой каруселью происходит тремя способами: сдыхающая от неспособности втянуть хоть треть возможного объёма горячего воздуха грудь наша прочно стянута в двух самых страшных для жертвы неудобных местах вместе с насильно вытянутой шеей обитыми качественной резиной непробиваемыми металлическими жгутами, обёрнутыми вокруг едва входящих в мой угол обзора полуцилиндров: возможно, внутри крупного круга можно зайти для добавочного или первичного закрепления тяжёлых и прочих элементов этой смердящей смертью и отчаянием отвратительной конструкции через, вероятно, фальшивый, приспособленный под скромную функцию двери полуцилиндр; второй способ — провиденциальное своей простотой присоединение похрустывающих, уставших невыносимой после нескольких минут обнадеживающего терпения болью стоп в неестественном им положении противопоставленности друг другу примерно на сорок градусов от общей оси, отчего уже сейчас я чувствую следствие щемящей моё существо

уродливой позы, а о просидевших на этих холодных острых обрезках железа более месяца и говорить нечего: по всей видимости, во избежание некрозов нечто всё-таки предпринимается, однако покамест это сокрыто от меня пеленою скомканного запахом чуть сладковатого гноя чёрного ветра: было только удивительно, сколь же человек может хотеть жить, раз выдерживает такие страдания на протяжении долгого времени, и осознание это прибило меня зловещей силой к унижающей своим олаберным окружением суровой земле бессонной возбуждённостью; третьим способом стало привязывание уже посиневших рук к негибкому кольцу под съедающим всю волю мою сиденьем, отчего просто такое положение похоже более на самую жестокую пытку, если не обращать стёртого страхом воображаемого внимания и на умирающего в безглазом бреду мальчика, и на оставшуюся от мощной жигановой руки дряхлую окровавленную культю Ивана, и на покрывающиеся рыхлой желтоватой коркой отверстия, которые он сам даже не может с удовольствием прочистить обжигающим приятством дёрганьем, от тупой вилки в Матвее, и на порез взбухшего сочной опистосомой сытого клеща живота Вани: появляется гнетущее, белогубостью своею испаряющее мою свободу сопричастие абсолютного забвения, полной оставленности в нынешнем положении, хотя остальные, кажется, тщетно пытались или ещё пытаются найти хоть фантомный луч затерявшейся в бездне сторичной толщи надежды. Пространства вокруг этой расструнно осевшей под нами карусели, несмотря на её внутреннюю ненаполненность, достаточно: за этой молчаливой непроглядной темнотой боль наша воспалённо сжигается в комья уверенности в скорой ужасной смерти, и даже моё недолгое нахождение здесь способно налить в уверенные полости жгучий кипяток невозможности повлиять на своё будущее: не имеет значения, буду ли я в этой вязкой вонищей грязи бесконечно пытаться избавиться от налипших колючих песчинок страдания: оно лишь продолжит надирать свои щёки в неприглядно счастливой улыбке: только рассеиваться будет моя жизнь, только с каждым днём меньше придётся видеть этот зловонный бредовый кошмар: один сон постарается отвлечь меня от решительности, да и он потерпит в том поражение: я обречён, и факт этот был хорошо известен ещё много лет назад: моё подлое существование, моё бедственное положение, жалкое, присыпающее мой лик плесканьем кукурузно-жёлтого кроя бытие не утруждает себя более отдалять меня от действительности, оно уже не желает продолжать играть со мною в эту фантазию номинального, теперь я по-настоящему становлюсь, теперь я принимаю изначально разъедавший меня с основ корень свой хайдеггеровского людского: заброшенность уставилась на меня с поодаль стоящей людной площади, да уже сыздавна не может мне исправиться: я снова нахожусь в этом состоянии, и чувство моё усаливается прахом свершённых ошибок: теперь я не могу ошибаться, однако оное было сделано: не столь значительно уже, повлияли ли на это глупость, нерасторопность, непоследовательность, внутренняя слабость, обуяние

прелестью или прочее человеческое уродство во грехе, ибо остаётся только ожидать: я не усвоил урок, хотя никогда и не стремился ему внять: я просто считал себя достаточно компетентным в вопросе организации жизни, и отныне вынужден стерпеть собственное окончание: я не смирился и не смирюсь с этим, ведь пред грехом я всё же искусился, и потому отказ от своего Ада считаю неприемлемым: прощение, безусловно, будет получено: ибо прощающий во множество величин нас сильнее, да теперешнее прощение было бы неискренним, и потому я принимаю эти возмноженные страдания, я готов стерпеть дерзновенно одуряющую под ногтем крючковатую иглу блестящего отблеска грозовой тучи: страсть, отчаянье мои неутомимо бьются пламенем вскипевших слёз, и дроботенью я омываю свою жизнь с её настойчиво разочаровывающих меня начал: я чибудкаю наши уродства, и некогда они окупят меня и вас: и некогда я справлюсь с ним, и некогда мне сбудется пережить воскресение прощённым взлохмаченным горбуном; он спешно всех кормит, думается, без предоставления возможности самим осуществить это, застоявшийся десятками облепивших наши раны мошек кал же убирает под сиденьями сам, ибо в них есть небольшие, пропускающие еле сформировавшийся дефека́т в узкие отверстия, что мне удалось нащупать разпалённостью своей голой охлаждённой кожи: значит, он, при этом полностью оставив их переднюю часть, наполовину раскромсал мои старые обесцвеченные плотные джинсы; особенно вонючая от голода и лишённости воды моча же остаётся на наших одеждах и частично впитывается в землю: такие выводы я сделал благодаря одному внимательному взгляду на сидящего слева от меня неразговорчивого Андрея; по всей видимости, при его приходе все притворяются спящими, чтобы лишний раз не привлекать к себе угрожающее внимание, и только я стал звёздным объектом уже минутного слепого рассмотрения; внутри карусели, кажется, есть несильная лампа, освещающая, думается, именно для нас небольшую часть пространства сквозь щели между полукругов, и от этого наглого света будто даже немного веет домашним уютным теплом, призывно продолжающим представлять моему осложнённому миопией взору страдающее случайным танцем тело Сгибенья, за которым был протянут чёрный нетолстый блестящий шнур к отверстию в углу потолка, причем выход этот не был осложнён новой телескопической лестницей или крепкой, похожей на надёжный канат верёвкой: примерно в метре от противоположащей от меня стены в вытягивающую дыру неправильной формы вверх к выходу землю было, судя по всему, глубоко вмонтировано подобие турника: думается, Сгибень поднимается по отвесному туннелю с помощью своего сильного, давно привыкшего к физическим нагрузкам кованой сложности тела: вряд ли побег, невольно обременённый слабостью больных, голодных и замёрзших наших немощных тел, мог бы быть возможен, однако отчего-то я не терял веру в своих соседей, хотя то, кажется, и противоречило моему чувству и существу, моей должности принять Ад и встать на верный путь: теперь, когда я

предположил, что был сюда просто скинут с обрубавшего пути отступления далёкого выхода с оставляющей наши истошные крики сокрытыми от внешнего мира плесканьями высоты на холодную плотную землю, пришлось ощутить реальную тупую боль в правом боку, справедливости ради, ещё не полностью ко мне вернувшуюся за действиями газа, немощи и испуганного возбуждения: я бедным образом попытался притвориться спящим, как и просидел в наливающейся потом сильной дрожи ещё с тягостную долгую минуту, но Стибень вновь, уставившись на меня, подошёл: тогда моё: лопнувшее от страха тело перестало слушать остуженный, изливающийся испугом разум и начало сальным длинным потоком лить тихо стекающие по моей трусости слёзы, которые похититель грубо начал ощупывать большими руками твердейших мозолей, дабы понять природу возникновения оногo вещества: всё это до сих пор сопровождалось громким пугающим шелканьем моляров, надеюсь, лишь хазовой прочности и жажды прорезать своими густыми бордовыми парами окровавленного словно искусственно безлунного агнца, и вдруг он отошёл: я не стал открывать петляющие по иллюзорным сторонам комнаты глаза, но услышал тихий звук трущихся об себя тонких лесок, и снова он подошёл ко мне.

— Ты-тя не спишти.

Его скрипучий, безжизненно заигрывающий с моим слуховым аппаратом иссиня-графитового тугого наслоения возвышающейся таляжной собственности оглушающим громом сбитого одной могущественной единицей габиона момры старческий голос стал лезвием проходиться по наудачу выбранному в ковентряном ухе эллиптическому мешочку, что теперь только глухо дурманит меня и умирительно мутит, и снова он начал нелинейно трогать меня своими холодными, испачканными пропитанной горем землёй чагравого смертельного блика дланями.

— Ты-тя не притворися. Ты-тя плачешь-тя.

Странная привычка непоследовательно присоединять к почти случайно выбранным словам два звука ещё больше путала меня, хотя и не исключая, что со временем до меня просто начали доходить факты обстоятельства, в котором я оказался: помрачение окончательно отходило от меня, передав моё внимание существу куда страшнее и темнее.

— Тя-тя-тя. Паясниц-тя? Паясниц или вун-тя?

— Шутник! —дрожащим, задыхающимся неволей ужаса голосом я, будучи руководимым вполне инертным предпочтением прельстить собственной серьёзностью в рассмотрении его вопрошания, постарался выдавить из себя хоть какой-нибудь слабосильный энтузиазм, считая, что это продлит мне мою недивную жизнь: я не стану тешить себя мечтами о скором чудесном освобождении: я просто хочу просуществовать копошащейся в увезённых на сжигание шторах безвесой блохой чуть дольше. — Бу!

— Тя-тя! Весёлый! Тебя-тя глазухи вырежу! Тоже буду-тя весёлым.

Такой извилины хода событий я не мог за чувством гениальной реализации чрезвычайно тщательно продуманного плана даже предположить, и ещё притупившимся, обозлённым на туманно улетающуюся волю правомочности сознанием я более не пытался понять, в чём же допустил ошибку: вероятнее всего, в отсутствии полноценного анализа, но не исключаю, что истинный ответ невозможен, что больное воображение истолковало бы любую вышедшую из меня крайность неопитовым стремлением к самозабвенной непродуктивной смерти: не нужно было забывать, что я только жертва, а не хитрый баженный.

— П-подожди... Нужно же ещё посмотреть, подходит ли он для... операции... — негромкий голос Семёна становился увереннее с каждым ненароком вылетевшим из его рта словом; видимо, он пытался хоть как-то спасти меня из этой вздорной, возбуждённой моей же недалёковидностью ситуации. — Он должен быть живой. У мёртвого нельзя забирать глаза.

— Да-Тя, Золотой, я про мёртвых-тя и так знаю: мамка-тя до сих пор-тя преследует-тя, а про этого-тя... Нет! Убью-тя! Обхитрити-тя хотел меня...

— П-пожалуйста... — скорее всего, слова мои только усугубляли несравнимо страховидную ситуацию, но я истошно выпадающими из моих дрожащих губ глупыми, лишёнными за необдуманностью сокрытого смысла словами пытался реанимировать своё и семёновское положения. — Н-не...

— А! Точно! — голос Ивана удивительным образом осмелел только при похитителе, безжалостном, сурово наказывающем за прегрешения отстранением от мира, избавлением связи с ним во плоти витально сдерживающей от греха плоти палаче своих пальцев: очевидно, каждое слово он отточил в своём уме блестящими строгими клиньями. — У нового паренька, Вани, шов разошёлся. Тот, который ты ему делал. Семён может зашить, чтобы он не умер.

— Иван... Иван-тя Нечальник? Безпальцовочный? Ты чего-тя? Тоже-тя умереть захотел? Я теперь-тя всех собрал-тя... Я знал, что все-тя не доживут... Сегодня операнга-тя. Семён-тя меня прооперирует, а если-тя операнга плохой-тя будет, то я вас всех-тя убью... А при операнге хитрить-тя не попытаюсь... Я-тя газушку, бомбашку в сейф с крошечными-тя дырочками положу, и только с паролишкой-тя его можно будет-тя отключить... Сработает — умрут все тут-тя.

Последние неправильные, как и почти все из употреблённых им истинных поздних форм, слова звучали чуть более низким тембром гулкой неиллюзорной близостью действительной угрозы, и я уже не мог контролировать своё нагноившееся глазной мокротой ломкое состояние: нескрываемым громким истерическим воплем: произошло нежелательное.

— Ну всё-тя. Сейчас-тя мы тебя на глазини-тя поре...

— Подожди! — Семён вновь попытался, даже со звонко щёлкающими смрадными мольбами решившись резко перебить сгибенеческое на фоне испуганного продолжительного молчания карусельщиков, героически спасти меня, однако я пока не мог и не могу выразить своей благодарности за истошно вырывающимися из меня сгустками грандиозного честного страха криками. — А... А что за операция? Я ведь должен ещё сказать, что нужно из...

— Из инструменов-тя всё есть. Не-тя переживай.

Нечто в хрупко сосуществующих голосах обоих стало выдавать различного типа колебание пред операцией, и, думается, всем в этой карусели захотелось рыдать за горестью нежелания возлагать на одного выдающегося, но всё же естественно излившегося цветом маренго человека груз девяти горних порхлиц, робко за туманным осознанием этого включая и их собственные, девяти тупоторных жизней и неспособностью как-то эту участь облегчить: все продлевали звенящую в наших пульсирующих пористых висках глухим громом тишину: я не был способен себя контролировать, и просто повезло, что соседка моя ещё была под действием газа.

— А... А что за операция?

Едва ли что-то уже могло спасти меня, но я безмерно благодарен был за труд Семёна и удивительное терпение монструозно восхитительного своим телом старика.

— А-тя, я тебе-тя не говорил? Пересадка-тя глазов. Новую-тя пару сделати надо на лобум.

Тут мгновенно опешила вся стучащая кислым ржанием карусель, и лёгким гулом даже предстал удар чьей-то ноги об полукруг.

— А? Но... Я... — даже в поглощающей безумие Сгибеня стойкости спасающего врача такой запрос оклеймился появлением слишком большого количество ныне запрещённых для озвучивания уточнений. — Такую операцию не проводят...

— А-тя ты проведи-тя, — исказивший своё выражение лица до жирного возвеличивания непроходимого адресанту смолистого барьера Сгибень всё ещё продолжал изображать самые неуместные и странные позы, иногда весьма сообразно задеиствуя для того свой детородный орган, хотя все в карусели и пытались за страхом скрыть и ужасающего размаха отвращение от находящегося то близ себя, то едва поодаль в зависимости от хаотично распределяющего его недолговечное местонахождение игривого желания. — Ты же известность. Тя.

— Я... — более, вероятно, он не мог устоять, из себя с тяжестью в потемневшем закосье выдавливая только грузное соглашение с уже озвученным, самостоятельно справляясь со строгой критикой своих действий — Я не могу...

— Что не можешь-тя?

Весёлость Сгибень сменилась чем-то странным, чем-то не просто неконтролируемым, но несуществующим, однако никто ещё не представлял, сколь безотчётным для нас покажется его действие и нынешний порыв: мы только оглушённо ждали развития тянущихся за кромкой смерти и собственной вины событий, хоть и я исполнял эту роль в несколько искажённом варианте, всё следуя тем же непримиримым, неизбежным, вверженным в этот бескрайнем жилище флюсом цвета пушечного металла заветам.

— Провести такую операцию...

— Вообще никак?

Отчаянный возглас последним глухим гласным поглотил рокотанье происходящего, и никто уже не знал, что же кроет за собой изменчивый непоследовательный шаг Сгибень: то он быстро поворачивался вокруг себя, то медленно, с беспечной улыбкой вкушая природные тяжеловесные запахи еле выделившегося из тел парного сока, успешно отрывисто огибал несколько менее подмежным взором благодаря надетым во время моего притворства заляпанным очкам, одновременно и актуально ставящим вопрос о неконечности его существа, и заставляющим усомниться в проделанном, в прожитой пошловатой эмпирике, из неровной потёртой серебристой проволоки и неумело приклеенных клеевым пистолетом серо-жёлтых линз наши потные, изуродованные словом этим в заплёванном аффицировании на себя лики и с нынешней охлаждающей возможность выблёвывать из себя кучковатый мешочками оторвавшихся алых сосудов желчный сок и ещё могущие у нас троих остаться последствия домашних приёмов пищи: никто не знал следующего влажного глумливого шага, и это архитипическое обличье старого безумца с уродливыми кровавыми корнями недавно посаженных волос могло бы легко себя разоблачить, будь мы достаточно прозорливы и решительны, но мы только тщетно дрожали пред тем, кого едва посчитали бы человеком при случайной встрече, и оттого я ощутил к нему даже таинственную симпатию, тут же мною сознательно отвергнутую и превратившуюся в немотивированного позолоченным сытым алебастром сознанием недевиантного природного уродца с отсутствующей нормотрофически искажённой воплем половиной налитого лимфой лица, страшными толстыми шрамами, почти заменяющими ему твёрдость подушки, цвета кошенили кармина и едва двигающимися пепельными глазами обветренного исконно, изначально отдёргнутого от мира и засвайной выветью включенного, вокруг себя оставляющими неоднородную, местами засохшую сытную вязкую слизь: на пружинистых тонких ногах, крикливо изогнутых непрекращающейся болезнью, незычно отпечатывают свои несложные символы оставляющие жирные следы крупных оливково-жёлтых шибелей гнойники.

— Вообще...

Тут задумчивый и серьёзный до этого Сгибень зашёл в левую от меня сторону, кажется, чтобы войти в окружность и что-то взять: до протяжного звука вытягивания трубы резко раздались быстрой порывистой динамикой безбурные щелчки, и виднелся мне только рябой в этой гигантской яме тусклый свет и резко оказавшиеся по бокам после громких звуков ударений о трескающуюся под ним, послушно рвущуюся густую человеческую плоть крупной тяжёлой трубы кровавые брызги с парящими сказочным вторичием серебристыми пылинками разможжённой о звонкий полукруг и не столь трескучего стука конец пустотела человеческой головы.

— Ой-тя... Филя-тя... Филю тоже задел тя... Ты-тя чего молчишь... Умеркает-тя. Вскорьки. Ну ий-тя. Кароче-тя... Андрей-тя, вечером-тя операцивантия-тя... Подготовитисивитися-тя... — Сгибень помедлил хитрым смешком за ожиданием реакции от публики, но потом просто продолжил в прежнем темпе. — Сейчас-тя день-тя... — и вновь впутывающаяся в деформацию звучности делающегося моглия пауза заставила его вспомнить пламенем обогревшую чёрную заамвонную молодость свою или относительно недавнюю человеческую жизнь. — Глазов мне-тя новые нужнитити, чтобы-тя снова критиком живописи-тя быть... Тя... То-тя мне очень нравилось...

И бойкие зверские слова эти были последними вылетевшими из его наливного алым возбуждением рта: вернувшись к моей стороне, он оправдал ненамеренно опустившиеся до человека желания, видимо, за произошедшим всё же решив отдалить читой заинтересованности сбывающегося игру со мной, хотя взгляд его ещё возбуждённо останавливался на мне перед лёгким, словно одним движением воплощённым титанической силой этого невозможного мутанта подъёмом с помощью лишь врезающихся в плоть так податливо идущей навстречу своему неспешному искажению земной материи заострённых мощью конечностей, и выбравшимся из прощаемого ранее жалкого кокона страха недолговечным пауком он залез кверху, пару раз уронив небольшие крошки песчаной остаточности былых сомнений: четырежды прозвучали окончательные тихие звуки открывания замков и смыкания неких крупных плоскостей, как он полностью перестал давать о себе знать в этой лютряной непроходимой оболочке сожаления: я сам во всём виноват: это делает заточничество моё лишь более мучительным: кажется, мы чрезвычайно глубоко под поверхностью развевающейся лёгостным дымком пространственной стихии, и колючий, отгрызающий сквозь оставленную одежду цепляющиеся гибкими телесными амфорами сосуды холод стал пробирать мою ороговевшую над скорбью плоть, а до сих пор жизнеспособным зимогором и тем страшно позоривший меня брат Пети только теперь завопил и в проконическом, последними силами изъясляющем недовольство фибриногеновой малостью ударе в надежде не испытывать более подобного с язвительным, трескающимся в

сжатых челюстях тупым плевком сальной, изливающейся крупными тяжёлыми каплями крови хрустом без предупреждения откусил небольшой, едва только успевший стать причиной иных людских страданий язык, потом издавший своим смачным падением пухлый шлепок и продолжающий вонять прибавившимся запахом рассеивающейся по нашим воплям, нашим каторжным непреодолимым стенаниям вшивой ржавой руды оттенка махагона, умерев в освобождающих муках и только спустя пролетевший слегка касающейся тебя неспособностью уверить в вину собственную час, за который от разговорчивого и теперь тоже кричащего в разрывающем ветхую клетку обломившегося разума помешательстве Ивана я узнал два факта разной степени новизны: фамилия братьев — Косые, а я же являюсь чистопородным трусом; трупный смрад стал проворно усиливаться, а Андрей, подобно цивическому жесту Сгибенья, начал щёлкать зубами, несколько раз только упомянув о своей относительной немощи в роли хирурга; соседка Лена, как в её испуганных, сбивающихся неконтролируемой слабостью отнасилованного духа описаниях своей жизни среди криков остальных выяснилось, тоже практикует офтальмологию, но только на самом базовом уровне; у Ивана через полчаса полностью лопнул, как потом было видно на редких блестящих вкраплениях с поверхности выпавших кишок, забитый обычным строительным степлером шов искривлённой вынужденной позы, ставшей причиной его скорой смерти, вероятно, из излишнего напряжения мышц живота во время своих необходимо надрывных молитв хлётко расползся, и новый кисловатый бездыханец одарял нас одурманивающей надеждой, запахом шипящей глухой свежести смерти и склизко сливающимися с дрожью остальных звуками вываливающихся мясистых органов; и только Матвей остался сидеть молча, хотя он, кажется, попросту упал в обморок от вида и знания двух умерших близ него людей, некогда соседством своим освещающих просторы отстранённой тяжбы влачения жизни; спустя час в невозможности выдержать спесивую продолжительность происходящего, лишь тщетно пытаясь сном, вечным забытьём избавиться от страданий, чего так и не произошло, я стал сбавлять обороты, и в трупной кровавой вони вибрирующих длинных червей таупа мы ожидали свою кончину в глубоких, выверенных вручную величайшим усердием недрах томящей наши стенания земли в ужасном заточении прохладного, обвивающего греховными путами наши интуитивные, утерянные за спесивостью и слабостью святость металла и впитывающиеся телесным соком моих соседей дочерины резных развращений исконных и наших рождений: своим, моим, каждым, наддужным, квартальным, кармазинным доболым запрсельным ласым цикавым големым ейным шлым, золотным, олаберным старосветским статочным статским столбовым сторичным стропотным стрюцким субым, сувым, суперфинным, суровским сыченым сычёным сычным, свейским, кирпатым конашенным загуменным жлуком крыжатога торлопа копытом, своим клиппшпирнгера я пронзил своё,

вывавливающееся наружу, моё, являясь при том самым очевидным представителем своего, натянувшегося снаружим своего надлопнувшего происходящий порядок моего внутреннего: моя мама назвала меня Владимиром, и в мнимом воспоминании этом я попытался сохранить всё оставшееся внутри себя заземляющее тепло: я так и не сумел, предпочтя просто наблюдать за ним в холодной претензии на невразумительность, вдуматься в происходящее: в агонии этой карусели я крутился диристым особняком: моя мама назвала меня Владимиром.

Я внутри глаза. Здесь достаточно тепло, хотя повышенная влажность даёт о себе знать: иногда приходится моргать нарочито реже, дабы скатывающиеся с безжизненно лысой головы густые мутные капли не так сильно мешались с накопившейся на засасывающих воздух очах слизи: тело моё до пояса полностью принадлежит нижней внутренней поверхности глаза, и мощные пульсирующие вены в особые моменты отдают излишне интенсивные потоки красноречиво проплывающей по вожделенном субстрату крови, отчего приходится с повторяющимися ударами оной об органы мои шейные выблёвывать её свернувшимися плотными клочками: волотки моих озябших изнурением рук давно уже рудиментарны, давно болтаются тупыми останками моей вялой плоти: если посмотреть в зрачок, то можно увидеть приятно и нет удивляющие точные отражения себя, хоть это и не будет в полной мере зеркалом: ты увидишь сперва копии своего белёсого безглазого безротого подобия обманчиво жвавого лица с гладкими, просвечивающими все крупные умбровые сосуды острыми ключицами, и только после смены угла взгляда эти излишне честные клоны будут скатываться в одно прямое отражение, за былой душной рябью оставляя только сужающуюся дорогу цвета этой объёмности: бессветное пространство внутри округлившихся низким ергаком буркал приобретает рубиновый оттенок моим существом и гладко накладывается на призывающие стенки: появляющиеся иногда чуть ребристые рельефы верхов глаз ехидно заставляют липкие густые капли прозрачного цвета скатываться на меня, фуксом изолировавшегося ото всей взбутетенной структуры этой постоянной, производя необычный шипящий звук, будто инородные капли эти я обжигаю невыносимой горечью своего безволосого чистого тела: чрево моё достаточно сильно деформировано назад, и поначалу я даже думал, будто вмятина эта делает меня в высшей мере калечным, пока не понял, что такая особенность организма только благоволит выполнению природных функций: во время напряжения глаза эта оттянутая гибкая часть тела выпрямляется, дабы смешавшееся воздушным сугробом вещество некое скатывалось из меня с непозволительно стремительной скоростью, и с приходом организма в нормальное состояние левое ухо моё словно нарастает набухшим жирным тестом, уже чуть нависшим над уровнем моих скатанных плеч и иногда потрескивающих в моменты особой незаурядной силы тряски очей: я люблю глаз: жить в нём достаточно комфортно: эта жизнь не приносит мне страданий незрячестью, навсегда принимая жалкие остатки здоровья моего

задымлённого болезнью тела. Я привычным образом наблюдал свои изменяющиеся остаточные виды, как вдруг заметил, что недавно пострадавшее ухо пришло в норму: давно уже не приходилось наблюдать такого явления, и танец колышущихся, приращённых к глазу бёдер с отлипающим звуком дерзновенно обособил меня от этого толстого куска телес, и после секундного молчания оторвавшийся ломоть с оглушительным раскатом истинного распада взорвался, почему изнутри вся поверхность глаза покрылась сильно выпирающими за рамами своими мелкими сосудами, превратившими моё бывшее просторное убежище в ужасающую тёмно-красными ниточными выбоинами угрожающую тесную комнатку, в которой с каждым мгновением приближающиеся ко мне своей толщиной капилляры ограничивали простор для разносторонних действий всё серьёзнее, и в конечном счёте сдавили меня эти сосуды, постепенным смещением превращаясь в то же существо, против чего я, только обрадовавшись новой приростной неожиданностью должности, и вовсе не был, и теперь остатки рёбер растворялись в худой тяжбе моих величественных покровов, и начавшееся с левого уха поедание завершилось мгновенным громким звуком лопнувшей воронки: я стал глазом, гордо и с чистой душой освободив просторные внутренности для новых амбициозных нагноений в смыкающейся глубине остаточных теней перпендикулярных точных фигур в переливах заждавшегося меня редрого заката цвета гуммигута.